

18+ Юлии и Аркадий Видинеевы

Сладостное безумие

Юрий и Аркадий Видиневы

Сладостное безумие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57110900

ISBN 9785005120373

Аннотация

Как описать красоту? Это не дано знать ни писателям, ни поэтам. Художники, скульпторы и композиторы несколько ближе, чем писатели и поэты к описанию красоты, но и самым гениальным из них не удаётся передать того, что представляет собою не внешний облик, а его непостижимое умом Великое Волшебство. Именно Оно пленяет сердце, опьяняет разум, привязывает душу к тому образу, который является лишь источником Великого Волшебства.

Содержание

Гиблое место	5
1	5
2	7
3	9
Сладостное безумие	10
Он её никогда не увидит	15
В том светлом прошлом. День первый	16
В том светлом прошлом. День второй	17
В том светлом прошлом. День последний	18
Боевые трансформеры Техномага и его новый проект	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сладостное безумие

Юрий и Аркадий Видиневы

© Юрий и Аркадий Видиневы, 2020

ISBN 978-5-0051-2037-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гиблое место

1

*...это было что-то ужасно реальное
Пауло Коэльо «Валькирии»*

Ночь источала угрозу. Видимых причин для страха не было, но что может быть «видимым» в кромешной тьме? Зато сколько опасностей может она скрывать! Испуг – гениальный выдумщик и очень находчивый спорщик. У испуга необыкновенно острые всепроникающие коготки. Они могут молча царапнуть сердце, а ты сам думай: в чём дело? Ведь испугу нужен союзник в лице самой его жертвы.

– Ой! – что-то царапнуло сердце.

А вскоре:

– Правда ли, что сзади хрустнула сухая ветка, или это игра воспалённого воображения?

Путник знал, что он заблудился. Местные жители предостерегали его от похода в этот заколдованный лес. Они верили в колдовство. Теперь, оказавшись в плену незримой, но почти физически осязаемой опасности, в колдовство готов был поверить и он, кандидат технических наук, уфолог материалистического толка, ищущий рациональные объяс-

нения всему, что порождает суеверия и воспринимается затемнённым умом как «добрые чудеса» либо как «чёрное колдовство». В рюкзаке в качестве пилюли от всяких суеверных заблуждений лежит припасённый для вдумчивого прочтения сборник последних статей его учителя и наставника профессора А. Н. Афанасьева с дарственной надписью: «Моему любимому ученику Сергею Стахову».

– Прочту при первой же возможности, – подумал Сергей, пытаясь отвлечься от мыслей, подсказываемых страхом.

– Уже не прочтёшь, – всезнающе и зловеще проскрипело что-то во тьме.

– Нервы! – подумал Сергей.

Ночевать он решил там же, где застал его страх. Перемещаться вслепую опасно: можно оступиться и подвернуть ногу, можно напороться на сук и остаться без глаза, можно наступить на змею, можно...

У фонарика сел аккумулятор, спички Сергей потерял на месте дневного привала. Но трава под ногами сухая. Брезентовая куртка будет ему постелью, рюкзак – подушкой. А лесной нечисти в природе не бывает! Не бывает!! Не бывает!!!

– Спокойной ночи! – пожелал себе Сергей, обустроив постель из куртки и рюкзака.

– Постарайся не умереть от страха, – проскрипело что-то во тьме.

2

*Он проснулся внезапно: что-то его тревожило...
Может быть, это сон продолжается?
Юрий Гаецкий «Миллион терзаний»*

Сквозь отуманенное сознание Сергей пытался понять, где он находится, и как он там оказался.

– Очухался, гость незваный? – проскрипел вблизи чей-то голос.

Сергей протёр глаза.

– Бред какой-то! – перед ним в призрачном свете луны возвышалось что-то лохматое, громоздкое, внушающее страх и раболепие.

– Кем в моих владениях жить хочешь: зайцем, лисой, волком, упырём, водяным или филином? – проскрипело чудище.

– Что за глупости ты городишь? – переборов страх и раболепие, возмутился Сергей.

– Да ты совсем страха не знаешь? – удивилось чудище. – Ну, так значит, жить тебе теперь всё время в страхе! Будь зайцем!

– В глазах у Сергея потемнело, сознание отключилось. Когда сознание вернулось, оно стало иным. Сердце колотилось часто-часто. Всё его существо охватил безотчётный ужас. Он

подпрыгнул, прижал уши к спине и стремительно кинулся прочь, не разбирая дороги, не щадя своих заячьих лап.

3

*Как всегда, никто ничего толком не знал.
М. Ю. Тырин «Тварь непобедимая»*

Исчезновение Сергея вызвало беспокойство вначале у его престарелых родителей, потом у друзей и знакомых. Некий меценат снарядил поисково-спасательную экспедицию. Она дошла до глухой деревни, расположившейся в нескольких километрах от дремучего и пугающе мрачного леса. Местные жители подтвердили, что к ним заходил путешественник, тот самый, фотографию которого им показывают, расспрашивал про заколдованный лес. В тот же день он ушёл.

Куда он ушёл, никто не видел.

– В заколдованный лес не ходите, – предостерегли членов экспедиции местные жители. – Оттуда обратной дороги нет. Те, кто туда ушли, все там и сгинули.

Экспедиция отважно ушла в заколдованный лес.
Обратно она не вернулась...

Сладостное безумие

На новом месте жительства я обратился к своим братьям по кисти за помощью в поиске подходящего помещения под художественную мастерскую.

– Есть такое. Года два как освободилось.

– Арендатор в последние годы по весне и по осени страдал от обострений психического расстройства, и вот уже свихнулся окончательно.

Помещение мне понравилось, и я взял его в аренду.

От прежнего арендатора там остался только обычный хлам: пересохшие кисти, банки из-под белил, пустые тюбики из-под краски, полбутылки растворителя, обрывки материи, ученическая тетрадь. Наводя чистоту, я выбросил весь этот хлам, кроме школьной тетради, исписанной очень красивым каллиграфическим почерком. Оставил её как память о прежнем арендаторе мастерской.

Однажды, придя в мастерскую, я почувствовал, что в этот день моё вдохновение отдыхает. Я решил пригласить его с помощью коньяка. Все художники знают этот магический ритуал. Результат, конечно, не гарантируется, но сам процесс восхитителен.

Я и сам не понял, как во время сакрального ритуала в руках у меня оказалась тетрадь, исписанная прежним арендатором красивым каллиграфическим почерком. Я невольно залюбовался этой изысканной каллиграфией, пробегая её глазами, как вдруг моё внимание полностью переключилось от поверхностного созерцания написанного к его смыслу.

Я с ужасом начал осознавать, что всё написанное в этой тетради неизвестным мне человеком в неизвестное мне время, происходит последнее время со мною!

Неужели это передалось мне как-то через энергетику мастерской, оставшейся от прежнего арендатора? Неужели теперь я сделался продолжателем его трагической судьбы и меня в скором времени ожидает умопомешательство?!!

Я с суеверным страхом отбросил от себя эту колдовскую писанину, и налил себе ещё одну порцию коньяка.

– Это нервы! Сейчас я выпью, успокоюсь и перечитаю всё «свежим взглядом», чтобы избавиться от колдовского наваждения.

Мои ладони согрели коньяк, коньяк согрел душу, душа укрепила нервы, и я отважно ринулся в вычитывание бушующего моря чужих страстей, одолевающих и мою душу, и уносящих её в стремнину под названием «сладостное безумие».

Это были и мои мысли, и мои чувства:

«Как описать красоту?

Это не дано знать ни писателям, ни поэтам. Художники, скульпторы и композиторы несколько ближе, чем писатели и поэты к описанию красоты, но и самым гениальным из них не удаётся передать того, что представляет собою не внешний облик, а его непостижимое умом Великое Волшебство. Именно Оно пленяет сердце, опьяняет разум, привязывает душу к тому образу, который является лишь источником Великого Волшебства.

Что толку в описании источника? Ну, опишите всеми средствами искусств, например, волшебную палочку. Разве это даст представление об очаровании волшебства, которое таится в ней под её наружной оболочкой?

Как мне описать ту женщину, в которую я влюблён?

С чего началось моё чувство к ней, для которого нет подходящих слов?

С первого взгляда на неё я был поражён не столько красотой её облика, сколько его необычностью. Шло время. Я путался в своих мыслях, безуспешно пытаюсь разгадать непостижимую тайну её Великого Волшебства. Я с удивлением замечал, что этого её Великого Волшебства никто не видит, кроме меня одного. Даже сама эта женщина не понимает собственной красоты. Её смущают мои порывы, которые иногда мне не удаётся скрывать.

– Я никогда не видел таких красивых рук,.. – вырвалось у меня, когда она покидала наш офис.

Она искренне недоумевает:

– Да ну,.. у меня и маникюра на них нет...

И смотрит на меня растерянно, будто бы, и желая, и не решаясь поверить моим словам. А мне хочется схватить эти безумно красивые руки и осыпать их страстными поцелуями. А потом...

Да разве можно на этом остановиться, не сорваться, не пойти в разнос?

Нет! Уж лучше до этого не доходить!

И я сдержанно прикасаюсь губами к её пальчикам, покорно лежащим в моих ладонях.

Как я хочу писать её портреты!

Я вижу в ней новый стандарт золотого сечения. Он у неё

во всём! В каждой клеточке её тела! В каждом её движении!

Как жалко, что ни в одном статическом положении невозможно запечатлеть того, чем переполнена её динамика, её пластика!

Я не буду писать её портреты. Как икона не может передать всего величия Бога, так и её портрет не в состоянии передать её Великого Волшебства».

Я дочитал до того места, после которого великолепная каллиграфия внезапно переходит в бессмысленные и неразборчивые каракули. Это проявление сильного приступа душевной болезни, которая в тот раз уже безвозвратно завладела моим предшественником не только по аренде мастерской, но и по мыслям, и по неукротимой буре чувств, которым нет наименования на человеческом языке.

Он её никогда не увидит

Ах, тоска!

Юрий Гаецкий «Миллион терзаний»

*Видно, смысл его жизни остался где-то далеко
позади...*

Пауло Коэльо «Валькирии»

Он помнит дом, в котором она жила. Каждый рабочий день, проезжая мимо этого дома, он с грустью оглядывает его окрестности. Когда-то его сердце отзывалось на каждую красавицу:

– Это она! Моя Леночка!

Но всякий раз оно обозначалось, принимая горячо желаемое за действительность.

Где она теперь? Что с нею?

Телефонные звонки не проходят. Общих знакомых нет. Мир без неё опустел. Душа сникла. Жизнь утратила смысл. Он стал искать одиночества, чтобы отдаваться воспоминаниям о том светлом прошлом, где он виделся с нею и мечтал никогда с нею не расставаться.

В том светлом прошлом. День первый

Был обычный рабочий день. Клиентов не было, и можно было расслабиться. Кофе с коньяком, вялый обмен мыслями философско-беспредметного толка. Вскоре все, кроме Алексея, разошлись по своим поручениям: кто в суд, кто в милицию, кто в прокуратуру. Алексей остался дежурить на приёме граждан. Для него время праздного ожидания – это время стихов.

– Муза! Я жду тебя!

Он ещё раз убедился, что Бог есть, и что он милостив к мечтателям: Муза вошла прямо в сердце!

Когда она представилась, он впервые узнал, что у Музы есть человеческое имя «Елена». У Музы это обыкновенное имя было наполнено таким ярким, таким дивно искрящимся волшебством, что Алексей испытал «прозрение в ослеплённости». Она была ослепительно хороша! И в ослепительном сиянии её особенной (простой и естественной) красоты сердце Алексея прозрело в светлом и радостном чувстве. Что это было? Как можно разобраться в том стремительном калейдоскопе огней? Каким единственным словом можно это назвать? И все его чувства неслись к безграничному морю под названием «Остановись мгновенье! Ты прекрасно!».

В том светлом прошлом. День второй

Алексей сокрушался:

– Дурак! Вместо того, чтобы быть максимально учтивым, ляпнул, чёрт знает что! Стыдно вспомнить! Муза умница. Она увидела всё с высоты такого разума... И приняла его помощь в её вопросе. Его помощь имела обычную для таких дел продолжительность во времени. И Алексей впервые в жизни возблагодарил нерасторопность судебной системы: «Да будет моё служебное общение с Музой Леночкой долгим-предолгим!».

Но всё рано или поздно кончается.

Общение перешло в рамки случайных встреч.

В том светлом прошлом.

День последний

Леночка никогда не была его женщиной. Алексей называл её «Моя Леночка», именуя так свою мечту о ней, о том, чтобы однажды она стала его женой. Он чувствовал, что какая-то часть её души тянется к нему. Но её очень сильный аналитический ум удерживал её. И их души выстроились параллельными прямыми в плоскости Лобачевского, которые неизбежно пересекутся в бесконечности. ...В вечности?

Всё могло бы срастись, если бы их судьбы не разбросали их вдаль от пересекающихся тропинок. Случайные встречи могли бы перерасти в систему, в нерушимую привязанность...

Как дороги теперь для Алексея их случайные встречи, в которых искрило ответное чувство Леночки.

Как горько позднее осознание:

– Дурак! Где была тогда моя решительность? Ведь это было время активных наступательных действий! Всё могло получиться!

Теперь всё позади.

Он её никогда не увидит.

Он её никогда не забудет.

Боевые трансформеры Техномага и его новый проект

Председатель государственной комиссии был высокомерно чванлив. Его адъютант полагал, что это унылое качество связано с возрастной утратой интереса к женскому полу: сколько удивительных восторгов, сколько ярких взлётов души дарит людям любовь! И как обедняется жизнь, как меркнет пространство души, когда в ней гаснет огонь любви!

Председатель ГК был заранее настроен на неудовольствие от нового изделия, которое предстоит оценить. Ну, что могут предложить его министерству инициаторы собственных изысканий, не основанных на государственном заказе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.